

184 **НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ
НАДЕЖДИН**

Шолом-Алейхем Литература на идише

**МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ
О БОЛЬШОМ УСПЕХЕ**

Николай Яковлевич Надеждин Шолом-Алейхем Литература на идише. Маленькие рассказы о большом успехе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71039830

ISBN 9785006450479

Аннотация

Шолом-Алейхем в переводе с идиш означает «здравствуйте». Да, всего лишь приветствие. Имя Шолом взял своё родное – его называли Шолом по древнееврейскому или Соломон на более современный манер. А псевдоним, вот это имя, которое пишется через чёрточку, он придумал сам. А так его звали Шолом Рабинович. Кстати, если бы у евреев в ходу были отчества – то его бы звали ещё и Соломон Наумович. Но это так, сведения между прочим...

Содержание

Шолом-Алейхем	6
Литература на идише	7
2024	8
Введение	9
1. Еврейский вопрос	11
2. «Черта оседлости»	13
3. Переяслав	15
4. Семья	17
5. Гостиница	19
6. Соломон	21
7. Дюжина детей	23
8. Первые учителя	25
9. Воронок	27
10. Мачеха	29
11. «Словарь мачехи»	31
12. Арнольд	33
13. Училище	35
14. «Робинзон Крузо»	37
15. Хочу быть писателем	39
16. Выпускник	41
17. Бродяга	43
18. Лоевы	45
19. Голдэ	47

20. Изгнание	49
21. Первые публикации	51
22. Оля	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Шолом-Алейхем
Литература на идише
Маленькие рассказы
о большом успехе
Николай Яковлевич
Надеждин

© Николай Яковлевич Надеждин, 2024

ISBN 978-5-0064-5047-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай Надеждин

«Маленькие рассказы о большом успехе»

Шолом-Алейхем

Литература на идише

2024

Введение

В фундаментальном исследовании русского классика «Двести лет вместе» напрягает вот это «вместе»... Чтобы пояснить причины, придётся обратиться к личному опыту.

Я появился на свет за воротами лагеря, в котором свой сталинский срок отбывали мой дед (16 лет) и отец (10 лет). Оба безвинно осуждённые. Один, отец, был обвинён в троцкизме, хотя кто такой Троцкий узнал на третий год отсидки. Другой, дед, был обычным сельским портняжкой, за то и пострадал, заподозренный в предпринимательской инициативе. Оба давно реабилитированы. Обоих уже давно нет в живых...

Так вот, в нашем детском саду, а потом и в школе все дети делились на две категории – на тех, чьи родители сидели, и на тех, чьи родители охраняли тех, которые сидели. Была ещё скромная прослойка «комсомольцев», приехавших осваивать российские северы, но единицы – поскольку дети этих энтузиастов еще не успели подрасти до нашего возраста. Никакого драматизма в этом разделении мы не ощущали. Да мы и не вникали, кто там кого охранял.

Не вникали мы и в национальную принадлежность друг друга. Гулаг был настолько же интернационален, насколько интернациональна смерть (которая, как известно, косит всех без разбору).

О том, что мой друг Серёжа еврей, я узнал лет в двенадцать. Тогда же осознал к какой национальности принадлежу сам. И знание это, честно говоря, ничего мне не прибавило и не убавило...

Так вот, мы не «вместе». Мы – одно целое. Я, мой бедный друг Серёжа (земля ему пухом), Александр Сергеевич Пушкин (тоже, как выясняется, не шибко славянин) и – Шолом-Алейхем.

1. Еврейский вопрос

Почва для ксенофобии в России всегда была богато унавожена ура-патриотическими лозунгами. Мол, «в славянской православной стране»... даже продолжать не стоит, поскольку Россия – не только славянская и не только православная страна. И всё, что следует за этой воинственной формулой ложно изначально. Мы славянская и неславянская держава. Православная, исламская, иудейская и даже буддийская страна. Мы – сплав народов и народностей, единство самых разных культур. Мы – огромная часть планеты, а планета не может быть русской или не русской. И любить «славянскую и православную» означает не любить «неславянскую и неправославную». Парадокс – выкрикивая слова о любви, признаёмся в ненависти... К кому? К самим себе. К своей стране. К своему народу. Потому что русский, татарин, еврей и все те десятки национальностей, что живут в России – наш народ. Российский народ. Основа государственности, культуры, истории.

Не стоило бы и произносить эти банальные вещи. Но вот какая штука – в третьем тысячелетии, в эпоху бурного развития науки и техники, наше общество снова заболело национальным шовинизмом и даже самой опасной формой крайнего национализма – вялотекущим бытовым нацизмом. Почитайте наши газеты. Вслушайтесь в речи радио и телевизи-

онных «пророков». И вы поймёте, о чём речь. И это очень, очень печально...

Герой нашей книги – еврейский писатель Шолом-Алей-хем. Человек, без которого немислима мировая литература.

2. «Черта оседлости»

В истории России немало достойных сожаления моментов. Один из них – так называемая «черта оседлости».

Закон о «черте оседлости» был принят Екатериной II 28 декабря 1791 года после аннексии земель Речи Посполитой вместе с еврейским населением. Согласно царскому указу, были определены территории, за пределами которых запрещалось проживание евреев. Это касалось всех крупных городов страны. Евреям разрешалось селиться только во внесённых в специальный перечень населённых пунктах городского типа, то есть в «местечках». Этот перечень охватывал следующие губернии – Бессарабскую, Виленскую, Витебскую, Волынскую, Гродненскую, Екатеринославскую, Киевскую (исключая сам Киев – евреям разрешалось селиться только в определённых районах этого города), Ковенскую, Минскую, Могилевскую, Подольскую, Полтавскую, Таврическую, Херсонскую и Черниговскую. Кроме того, евреям разрешалось селиться в десяти губерниях Царства Польского. Но запрещалось проживание в Николаеве, Ялте и Севастополе.

Ограничения «Черты оседлости» не касались купцов первой гильдии, лиц с высшим образованием, зарегистрированных проституток (!), бывших рекрутов и крещёных евреев. То есть оказаться за пределами запретительного списка было

не так уж и сложно, достаточно было отказаться от религии предков, то есть принять православие. Но десятки миллионов людей этой возможностью не воспользовались, оставшись верными своей вере.

Одним запретом на проживание дело, конечно, не ограничивалось. Евреям было сложно поступить в вузы, им запрещалось поступать на чиновничьи должности, заниматься сельским хозяйством (и, соответственно, селиться в деревнях). Евреи в царской России были людьми второго сорта.

3. Переяслав

В конце 1850-х годов в украинском городе Переяслав (ныне Переяслав-Хмельницкий), что расположен недалеко от Киева, проживало семейство коммерсантов Рабиновичей. У главы семейства Нохума (Наума) Рабиновича в местечке Воронок был свой бизнес – небольшая гостиница (заезжий дом), служивший временным пристанищем для торговцев, перевозящих свои товары по Днепру. При гостинице был магазин, торговавшей всякой всячиной, и баня.

В целом заезжий дом мог приносить неплохой доход. Нохум Рабинович, не имевший серьёзного образования (только традиционное для местечковых евреев религиозное), отличался расчётливостью, бережливостью и тем особым разумением, позволяющим людям из народа скопить кое-какие капиталы и подняться на ноги.

Увы, как следует Рабиновичу подняться так и не удалось. Рядом находилась гостиница Рувима Ясноградского для более богатых клиентов. В неё-то купцы в основном и селились, а на долю пристанища Рабиновича приходились лишь не слишком платёжеспособные рабочие, батраки, да небогатые бродячие торговцы всякой мелочью. Помимо этого зимой, когда судоходство прекращалось, заезжий дом приходилось закрывать. А кадую весну начинать всё сызнова.

Чтобы сэкономить, семья Рабиновичей на зиму пересесе-

лялась в Переяслав, чтобы к лету вернуться в Воронок. Переезжали со всем скарбом – на подводе, с малыми детьми на руках. И всё это напоминало бесконечный еврейский исход, бесконечное странствие между двумя домами, в которых не было ни достатка, ни надежности – ни в Воронке, ни в Переяславе. Нохум Рабинович постоянно балансировал на грани бедности.

4. Семья

Трудолюбивый и предприимчивый Нохум Рабинович принадлежал к той части еврейского общества, которая великими трудами выбралась из нищеты и изо всех сил стремилось к достатку. Однако, настоящего достатка в семье не было никогда. Временами Рабинович почти процветал – шла бойкая торговля, не пустовал заезжий дом, топилась баня, а лошади, впряжённые в подводы, возили товар со складов на пристань. Но чаще картина была прямо противоположная. Бедствующий магазинчик, в котором не было ни одного покупателя. Холодная баня. Пустая гостиница, где за столом мирно спал какой-нибудь одинокий пропащий пьяница. Застоявшиеся лошади. И ни гроша в семейном кошельке. В эти периоды Рабиновичу от тоски хотелось повеситься.

Спасала вера в бога, природная любознательность – Рабинович много читал, хотя не имел образования. И вера в то, что всё ещё изменится. Человек он был ещё молодой – к 1859 году ему не стукнуло ещё и тридцати. Рядом была красавица жена. И росли трое детишек – два сына Шолом и Вевик, и дочка Броха.

По еврейским местечковым меркам, семья была небольшой. Нормой считалось 8-10-12 детей. А тут – всего трое... Пройдёт время и Нохум исправит эту «оплошность». Детей

будет так много, что повзрослевший Шолом не сможет точно вспомнить, сколько у него было братьев и сестер – «что-то около дюжины». И даже не запомнит их имена. Правда, не все из них будут Шолому родными.

5. Гостиница

Гостиница она и есть гостиница. Обычный дом с комнатами для постояльцев. Общая столовая. Очень простая кухня.

Однако, гостиницу Рабиновича именовали исключительно как заезжий дом. Дело в том, что на гостиницу этой заведения явно не тянуло. Обшарпанные койки по четыре в каждой комнатухе. Очень скромная обстановка. И соответствующая цена – переночевать у Рабиновича можно было за сущие копейки.

Даже здесь, в Воронке, были места прибыльные, выгодные, а были так себе. Заезжий дом Рабиновича стоял в очень невыгодном месте – в стороне от дороги, ведущей от пристани к товарным складам, на самой окраине местечка, до которой и дойти-то в вечерних сумерках было непросто. Чтобы заполучить клиентов Рабинович отправлял на улицу детей, которые громко зазывали приезжих, стараясь привлечь их низкой ценой. Дети бегали к пристани, крутились возле магазинов, приставали ко всем незнакомым людям – больше отпугивая их, чем привлекая.

Маленький Шолом своё ранее детство провёл именно на улице Воронка, зазывая приезжих в гостиницу отца. Не самое детское развлечение, зато мальчик повидал столько всякого народу, столько всего наслушался, что хватило на целую жизнь.

Вообще, с детьми в семье Рабиновичей особенно не церемонились. Специально их, понятное дело, никто не обижал. Но если кто заработал «на орехи», возмездие свершалось незамедлительно. А чтобы долго не разбираться, розог доставалось всем – «за компанию». Простая семья, простые нравы.

6. СОЛОМОН

Шолом Рабинович, второй после Вевика сын Нохума Рабиновича, появился на свет 2 марта 1859 года. В русском варианте его звали бы Соломон Наумович. Но семья была ветхозаветная, по-русски в доме не говорили, используя исключительно язык идиш. А потому и звали мальчика на староеврейский манер – Шолом.

Главные черты маленького Шолома, проявившиеся уже в раннем детстве – мечтательность, наблюдательность, необыкновенный юмор и оптимизм. Мальчик был очень подвижным, любознательным, общительным. Он внимательно приглядывался к постояльцам заезжего дома отца – к мелким коммерсантам, наёмным рабочим, музыкантам, маклерам, мастеровым. Слушал их рассказы, запоминал разговоры.

Заезжий дом стал первой школой мальчика. А настоящей школой для всех еврейских местечковых детей был хедер – школа при синагоге, в которой учились с четырёх лет и до совершеннолетия. Малышей обучали грамоте и простым молитвам. Подросшие ребята брались за изучение и запоминание Талмуда. Других наук не преподавали – воспитание и образование в еврейской семье было исключительно религиозным...

Не особенно радостная картина. Но для еврейского маль-

чика, выросшего во второй половине девятнадцатого века в украинском местечке, вполне привычная и нормальная. Свое детство писатель Шолом-Алейхем вспоминал с теплой светлой грустью, считая его если ни сытым и благополучным, то вполне счастливым и даже безоблачным.

7. Дюжина детей

Старший сын Рабиновичей Вевик был назван в честь деда, отца Нохума – ребе Вевика. Вевик очень гордился своим талантливым братом и в 1939 году написал книгу на идиш «Мой брат Шолом-Алейхем». Вевик Рабинович жил в Бердичеве и стал замечательным перчаточным мастером. Его женские перчатки были столь высокого качества, что экспонировались на Парижской выставке.

Особо близок Шолом-Алейхем был со своей родной сестрой Брохой. В детстве они были неразлучны. А потом Броха вышла замуж за мастера Райзмана и переехала в Кременчуг. Броха трагически погибла во время обрушения погреба, куда она спустилась за домашними соленьями. У неё осталось пятеро детей – две дочери и три сына...

В 1872 году, когда Шолому исполнилось 13 лет, скончалась его матушка. Нохум овдовел с тремя детьми на руках. И вскоре женился во второй раз – на молодой вдове, у которой было трое собственных детей. Женщина крепкая, здоровая, мачеха Шолома во втором замужестве родила ребёнка. Потом ещё одного, и ещё. Так у Шолома появились шестеро сводных братьев и сестёр и трое чужих, ему не родных. Однако, детей, возможно, было и больше – когда Шолом покинул родительский дом, мачеха едва отняла от груди младшенького и была готова забеременеть в очередной раз.

Двенадцать детей – это по современным меркам очень много. Но известно, что трое детишек Рабиновичей умерли в младенчестве (их, умерших, тоже могло быть больше). Так детей было вовсе не дюжина, а полтора десятка или около того. Невообразимое количество. Ясное дело, что прокормить всех за счёт доходного дома и балансирующего на грани разорения магазинчика было немыслимо.

8. Первые учителя

В четыре года Шолома отдали в церковную школу (еврейское учебное заведение при местной синагоге) хедер. Первым учителем основ грамоты стал Нота-Лейб, учитель младших классов, сам получивший лишь среднее образование (хорошо, хоть среднее – обычно учителями начальных классов были люди, закончившие только начальную школу).

Обучение было не совсем обучением – хедер для малышей выполнял функции детского сада, где с детишками больше играли, занимали их на целый день, кормили (за счёт родителей), чтобы дать возможность их отцам и матерям зарабатывать на хлеб насущный.

Изучение письма, чтения, основ языка идиш и арифметики начиналось лет с семи. А к двенадцати годам детей переводили в старшую группу хедера, где изучали Талмуд. Здесь царствовал раввин Зорах, педагогическими инструментами которого была тяжеленная книга, которой он лупил нерадивых учеников по головам, да розги. Зорах был строг и в том, что касалось религии, крайне щепетилен. Но и знания давал самые что ни на есть настоящие. Достаточно сказать, что после окончания реального училища (где Талмуд не преподавали, поскольку училище было русским), Шолом устроился раввином и несколько лет проработал в местечковой синагоге. Заслуга в его познаниях была целиком строгого Зораха.

Правда, сам Шолом этой религиозной наукой тяготился. Он был абсолютно светским и не особенно аккуратным в религиозном плане евреем.

9. Воронок

Ранние годы Шолома прошли в местечке Воронок. Детские впечатления писателя легли в основу многих его произведений – Воронок стал прообразом знаменитых Касриловки и Мазеповки.

Сонная, застывшая жизнь еврейского местечка с его косностью, ханжеством, патриархальностью, подчёркнутой религиозностью, тщательным сокрытием бурлящих страстей – всё это может показаться ужасной дырой, тоскливым засасывающим болотом. А может остаться в памяти светлым местом, где бережно хранятся традиции отцов и дедов, где еврейская культура развивается в изоляции от влияния соседних культур.

Местечко двулико. Оно и яма, из которой трудно, почти невозможно выбраться. Оно и заповедник устоявшейся жизни, место, где можно обрести гармонию и семейное счастье. Всё зависит от точки зрения и от твоей собственной судьбы. Как повернётся, так свою малую родину и запомнишь...

Воронок был ничем не лучше и не хуже других подобных местечек. Бесконечная возня с соседскими ребяташками в дорожной пыли. Запретные прогулки на берег Днепра. Купание в студёных водах заливчика. Мечты о том, чтобы найти в Воронке клад и разбогатеть.

Позже Шолом-Алейхем опишет свои детские пережива-

ния в рассказах о мальчике Мотле. Мотл – любимый персонаж писателя, в котором легко узнать реального Шолома...

Примерно в 1873—1875 годах Нохум Рабинович разорился. Заезжий дом и магазинчик пришлось продать. А обедневшая семья перебралась в Переяслав.

10. Мачеха

Матушка Шолома занималась магазином, которого Нохум Рабинович не касался вовсе. Но новой жене Нохума, мачехе Шолома, досталось лишь домашнее хозяйство, да орава детишек. Магазина уже не было, не было и денег, которые обеспечивали бы более-менее сносную жизнь.

Конечно, Нохум находился в постоянных поисках заработка. Конечно, денег, которые он приносил в дом, катастрофически не хватало. И уже совершенно точно, что постоянное безденежье не прибавляло супругам оптимизма...

Мачеха оказалась женщиной терпеливой и доброй. Она не била детей, хотя в больших семьях физическое наказание было практикой обычной. Она старалась поддерживать в доме чистоту и порядок. Но и уставала смертельно. Мать семейства – это профессия, в которое не бывает выходных, отпусков и больничных. Это работа круглые сутки без особых надежд на вознаграждение. Только любовь своих сыновей и дочерей... Да, разве дождёшься?

Когда детишки особенно «доставали» вторую жену Нохума, она срывалась. И раздражалась оглушительной «многоэтажной» тирадой проклятий. Нет, это были не матерные ругательства и не ругательства вообще. Это был поток слов, смысла в которых было не больше, чем во фразе «разрази тебя гром».

В эти минуты на глаза мачехи лучше было не попадаться. Хотя рисковал Шолом лишь собственным слухом – дальше проклятий женщина не шла. Пошумит немного, потом остынет. И всё идёт своим чередом – заботы, беды и радости большой семьи, в которой у взрослых лишь одна головная боль – чем своих чад накормить.

11. «Словарь мачехи»

Ещё в годы жизни в Воронке была у детей Нохума няня. Матушка Шолома была очень занята в магазине, поэтому за детьми присматривала Фрума, женщина «рябая, кривая, но честная, преданная и очень бережливая прислуга». На Фруму возлагалось и бремя наказания послушников, если уж они напроказничали. И Шолому доставалось едва ли ни больше всех – и оплеух, и розог, и проклятий.

«Вот увидите, ничего хорошего из этого ребенка не выйдет! Это растёт ничтожество из ничтожеств, своевольник, обжора, Иван Поперило, выкрест, выродок, черт знает что – хуже и не придумаешь!» – говорила Фрума (в кавычках приведена цитата из автобиографической повести Шолом-Алейхема «С ярмарки»). На самом деле эта добрая женщина любила хозяйских детишек, как своих собственных. Накормив и умыв их, она укладывала детей на общую кровать рядком, а сама укладывалась у них в ногах...

Однако, кривая Фрума и в подмётки не годилась мачехе Шолома по части проклятий. Вот ещё одна цитата из повести «С ярмарки», последнего произведения Шолом-Алейхема. «Чтоб тебя скрутило, отец небесный, чтоб тебе и болячки, и колики, и ломота, и сухота, и чесотка, и сухотка, и чухотка, чтоб тебя кусало и чесало, трясло и растрясло, и вытрясло, и перетрясло, боже милостивый, отец небесный свя-

той и милосердный!».

В конце концов Шолом, мальчик наблюдательный и смешливый, составил «Словарь мачехи» – выписал в алфавитном порядке все её проклятия. Этот «Словарь» и стал первым произведением будущего писателя.

12. Арнольд

В переяславском доме Рабиновичей бывали самые разные люди – учителя, фельдшеры, агрономы. Публика разношёрстная, но образованная. Сам не получивший систематического образования, Нохум Рабинович был человеком любознательным, прогрессивным, интересующимся науками и общественной жизнью. И приятели у него были соответствующие его уровню.

Одним из них был Арнольд из Подворков, описанный Шолом-Алейхемом в повести «С ярмарки». Этот малообщительный, замкнутый человек обладал обширными познаниями, полученными им в результате многолетнего самообразования. Арнольд жил совершенным затворником в крошечной каморке, слыл вольнодумцем, насмешливо критиковал царящие в России порядки, терпеть не мог богачей, высмеивал религиозные и сословные предрассудки.

Арнольд первым заметил, что Шолом необычайно одарённый мальчик. В какой именно области, сказать было трудно. Но точность речи, независимость суждений, острый цепкий взгляд, избирательная память – всё это говорило о незаурядных способностях мальчишки.

– Послушай, Нохум, – сказал однажды Арнольд. – А не отдать ли тебе Шолома в реальное училище? Туда берут детей из небогатых семей и не требуют за это оплаты.

– Зачем? – удивился Нохум Рабинович.

– Вдруг из него выйдет толк? Во всяком случае, он получит свой шанс. Пусть попробует.

Рабинович задумался и через несколько минут ответил:

– А что, пусть. Ты прав, без образования его ждёт мало хорошего...

И в 1873 году четырнадцатилетний Шолом Рабинович был принят в русское реальное училище Переяслава.

13. Училище

А мальчик и в самом деле оказался очень способным. Курс реального училища составлял всего три года – Шолома, как сдавшего вступительные экзамены на «хорошо» и «отлично», приняли сразу в старшие классы. И все три года он проучился без единой неудовлетворительной оценки.

У Шолома была великолепная память (как выяснится позже, избирательная – он часто забывал самые элементарные вещи, а что-то, весьма трудное к запоминанию, мог рассказать наизусть без запинки). У него были несомненные задатки гуманитария и педагога – юноша иногда подменял учителя словесности и с обязанностями преподавателя справлялся блестяще. Как иудей он был избавлен от изучения Закона Божия. Но справлялся даже с не дававшейся ему математикой, не получив ни одной посредственной отметки. Кстати, отсутствие предрасположенности к аналитике в своё время приведёт Шолома к катастрофе – он потеряет все деньги во время игры на бирже. Но это будет уже в другой, взрослой жизни...

Он учился увлечённо и страстно, словно наверстывал что-то упущенное. В классе он слыл отличником. И при этом одноклассники его любили – обычно к отличникам отношение противоположное. Его спасали потрясающее чувство юмора и самоирония. Своим потенциальным недругам Шолом

рассказывал... анекдоты про Рабиновича. Как на него после этого можно было сердиться?

Любили юношу и учителя. На уроках литературы он давал фору любому преподавателю.

14. «Робинзон Крузо»

Самое золотое, что Шолом получил в первый же год обучения в реальном училище – доступ к школьной библиотеке. Он брал книги десятками и, буквально, проглатывал их. Читал очень много и всё подряд – от серьёзных научных трактатов, до бульварных романов.

Особенно его покорила «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо. Книга настолько понравилась мальчику, что Шолом решил написать такую же историю, но на «еврейский лад». И, действительно, написал собственный вариант «Робинзона Крузо» – с необитаемым островом, Пятницей, попугаем и множеством «хозяйственных приключений» нового Робинзона.

Книга, конечно, была совершенно детской и даже беспомощной. Шолом ничего ещё о ремесле литератора не знал. Но этот первый опыт определил его отношение к литературе и во многом повлиял на выбор профессии.

В библиотеке училища нашлись и книжки на идиш – немного, но среди них была и книга Менделе Мохер Сфорима (по паспорту Соломона Моисеевича Абрамовича), писателя, оказавшего на Шолом-Алейхема огромное влияние (Шолом даже называл себя внуком «дедушки Менделе», а его – своим учителем). Преемственность творчества Шолом-Алейхема прослеживается без особого труда. Касриловка и Мазеповка Шолома – это Глупск и Кабцанск Абрамо-

вича. Но речь именно о преемственности, но никак не копировании.

Книги на идиш, прочитанные Шоломом, навели его на одну мысль, которая долгое время не давала ему покоя. Дело в том, что юноша решил стать писателем. Хотя и понимал – еврейский писатель, пишущий на идиш (а на любом другом языке Шолом писать не мог), исключительно на литературные заработки полагаться не может. Впрочем, жизнь доказала обратное.

15. Хочу быть писателем

Желание 17-летнего паренька стать писателем выглядело примерно так же, как спустя столетие желание его сверстника из российской глубинки стать космонавтом.

На идиш к концу девятнадцатого века разговаривали примерно 10—12 миллионов человек – не только в России, но в Европе и Америке (в Америке идиш был языком еврейских эмигрантов из Восточной Европы). Сколько из них могли читать и покупали книги, неизвестно. Но всё же в России, Польше, Германии, Австрии выходили газеты на идиш, издавались литературные еженедельники и альманахи, выпускались художественные книги. Немного, по 10—15 наименований в год максимальным тиражом в 30—40 тысяч экземпляров (очень редкие издания), о 150 или 200 тысячах (такими тиражами в России издавали, к примеру, романы Горького, ещё в дореволюционное время) и мечтать не приходилось. 30-тысячный тираж позволял автору жить на литературный гонорар. Но книжка, выпущенная тиражом в 2—3 тысячи экземпляров (стандартный тираж того времени) не позволяла даже свести концы с концами. В этом наше время от эпохи полуторастолетней давности почти не отличается.

Но разве юноша станет задумываться о таких прозаических вещах? Он хочет стать писателем, и точка. И к мечте своей готов идти всю жизнь, полагая, что честный труд и це-

леустремлённость своё дело сделают. Как ни странно, в этом Шолом не ошибся. А работать он умел даже в очень юные годы.

16. Выпускник

В начале лета 1876 года Шолом Рабинович закончил реальное училище и получил аттестат с отличием – как лучший ученик года. С гордостью Шолом показал отцу документ о полном среднем образовании.

– И что ты, сынок, намерен делать теперь? – спросил отец.

– Поступлю в учительский институт в Житомире! – ответил Шолом.

Житомирский институт был единственным высшим учебным заведением юга России, в который принимали евреев из бедных семей. А жизнь Рабиновичей к тому времени была уже балансированием на грани нищеты. Детей куча, верные источники дохода отсутствуют. Выучить сына Нохум не мог, поэтому предложил положиться на волю случая. При отлично сданных вступительных экзаменах Шолом мог рассчитывать даже на небольшую стипендию – если бы поступил в это учебное заведение. Но он... не поступил.

В Житомире, куда отправился Шолом, с ним не захотели даже разговаривать. Документы не приняли по непонятным причинам. То ли лимит для абитуриентов был уже исчерпан, то ли в очередной раз власти решили сократить количество студентов «непрофильной национальности», но факт остаётся фактом – талантливый юноша с аттестатом круглого отличника (не медалист, поскольку медали некрещённым

евреям тоже не давали – идиотизм чистой воды) даже не был допущен к вступительным экзаменам.

Шолом вернулся домой. Отец принялся его утешать – мол, попробуешь поступить на следующий год. Но Шолом подобных попыток уже не предпринимал. Пережить второй раз унижение, да по собственной воле – это уж извините.

17. Бродяга

В те времена даже сама мысль о сути национализма никому и в голову не приходила. Сегодня малейшие проявления ксенофобии (а этих проявлений, к великому сожалению, в современной просвещённой и прогрессивной России «полные карманы») вызывают резонный вопрос – как, каким образом можно изменить то, что изменить невозможно. Ну, допустим, я еврей. И что? Как искупить эту «чудовищную вину»? Как заделаться славянином или хотя бы «лицом кавказской национальности»? Что само по себе глупость несусветная – не говорим же мы «лицо уральской национальности» или «лицо среднеруссковозвышенной национальности», сочтут за идиота, а «кавказской» – ничего, проходит.

Как избавиться от «клейма»? Расскажите, граждане «патриоты» – как «родиться обратно» стопроцентным представителем доминирующей национальности – с правильным носом, правильным цветом волос и правильным выговором?

То, что произошло с Шоломом, великая несправедливость и великий позор – для общества, для страны. Огромных усилий стоило этому мальчику устоять, не сломаться, выжить.

Сидеть на шее отца и мачехи, пусть всего лишь год, он не мог. Зарабатывать самому? А что он умел? Только учительствовать. И Шолом отправился странствовать в преде-

лах той проклятой «черты оседлости» – по городкам и местечкам. Он предлагал людям свои услуги в качестве домашнего воспитателя и учителя. Зарабатывал гроши. Снимался с места и шёл всё дальше и дальше. Одинокий, полуголодный, несчастный.

18. Лоевы

И вдруг Шолому повезло. Восемнадцатилетний юноша попал в богатое поместье Софиевка подле Киева – в семью крупного земельного арендатора Элимелеха Лоева. Усадьба Лоевых – роскошный сельский дом со светлыми комнатами, обставленными дорогой мебелью, с отличной библиотекой, с роялем в гостиной. Шолома наняли домашним учителем единственной дочери Лоева – Голдэ.

Какая замечательная наступила жизнь... Шолома больше не укоряли куском хозяйского хлеба. Ему исправно платили огромные (для него) деньги. Одевали во всё лучшее. Не требовали ничего, кроме исполнения прямых обязанностей. В его распоряжении была библиотека и окрестные луга, по которым Шолом и Голдэ бродили после уроков.

Он работал с упоением – тем более что девушка оказалась особой в высшей степени приятной и красивой. Шолом учил её обычным школьным премудростям, а Голдэ, которую все звали на русский манер Ольгой, вводила его в неведомый мир достатка и роскоши.

Именно в то лето 1877 года Шолом научился видеть и слышать украинскую природу. Именно тогда ощутил вкус к описаниям лесов и полей, простого крестьянского труда, запаха свежескошенного сена и пения птиц.

К хорошему привыкаешь быстро. И очень скоро Шолом

привык к своему положению домашнего учителя. Ему казалось, что так будет продолжаться если ни всегда, то очень долго. Однако его счастье не продлилось и до Рождества. На свою беду, Шолом влюбился – в свою ученицу Ольгу Лоеву.

19. Голдэ

Черноволосая темноглазая Ольга Лоева... Главная и единственная женщина в жизни Шолом-Алейхема, мать его шестерых детей, верная спутница и соратница.

История их любви трагична и счастлива одновременно. Их отношения развивались стремительно и очень романтично. Ольга, совсем ещё юная шестнадцатилетняя девушка, едва расцвела, превращаясь из девочки-подростка в красавицу. Любознательная, обладающая живым умом, смешливая, непосредственная Ольга очаровала Шолома. И он понял – вот она, любовь. То чувство, которого он так ждал.

В конце осени 1877 года Шолом объяснился и с огромной радостью узнал, что чувство его взаимно. Что его тоже любят. И что он так же дорог девушке, как дорога ему она.

Они были очень молоды и совершенно неопытны. И отношения их носили платонический характер. Они целовались, бродили по окрестному лесу, усыпанному жёлтой листвой, взявшись за руки. Говорили друг другу нежные глупости. И... понятия не имели, какие над ними сгущаются тучи.

Наивные дети – они не делали из своей любви тайны. И отец Элимелех Лоев узнал о том, что учитель его дочери «соблазняет» Ольгу в самое что ни на есть хрупкое время – когда юноша и девушка с трепетом осознают первые вполыхы взаимного желания. И понимают, что уже жить друг без

друга не могут.

Лоев решил – пора действовать. И махом разрубил этот едва завязавшийся узелок любви. И разразилась трагедия...

20. Изгнание

Однажды светлым зимним утром Шолом проснулся и понял, что... кроме него и прислуги в особняке Лоевых никого нет. С сердечной тоской он ринулся вниз. Никого. Прислуга подтвердила – рано утром хозяева уехали в Киев.

На комод лежал пакет для Шолома. В пакете деньги и... никакой записки с объяснениями. Это означало одно – Шолома выгоняли вон.

Причиной стало его чувство к Ольге. Несмотря на то, что отец относился к молодому учителю вполне доброжелательно, одна лишь мысль, что бедняк влюбился в его дочь и намерен на ней жениться, привела его в ярость.

Шолом покинул усадьбу Софиевка. С тех пор он на протяжении трёх лет (!) писал своей возлюбленной письма и ни разу не получил ответа. Ни одного письма! И три года его признания шли в пустоту... Вот это любовь...

Отчаявшись, Шолом отправился в Киев – не для того, чтобы похитить или увидеть возлюбленную, для этого юноша был слишком деликатен. Он попросту искал работу. Снова начались годы скитаний. Три года он перебивался случайными заработками. Наконец, нашёл место казённого (то есть установленного государством, а не выбранного общиной) раввина в Лубнах Полтавской губернии. И два с половиной года проповедовал единоверцам, всей душой ненави-

дя эту постылую работу.

Ему казалось, что жизнь пошла наперекосяк. Но главное было ещё впереди. Надо было лишь не терять веру – в бога и в свой талант. Шолом ещё толком не знал, для какой цели появился на этом свете.

21. Первые публикации

Перебрав множество профессий, учительствуя, пробуя себя в роли коммивояжёра, торговца мелочевкой, рабочего-подёнщика, в 1879 году Шолом вдруг подумал, что может попробовать свои силы в журналистике. Первыми материалами, напечатанными в газетах «Га-Цефира» и «Гамелиц», выходящих в Украине на идиш, стали местечковые новости. Там-то открылась школа. Там-то – ярмарка. А в таком-то местечке при загадочных обстоятельствах сгорела старая конюшня. Хозяин был бы дико опечален, если бы полиции удалось его отыскать. И так далее...

Обычная репортёрская рутина, которая Шолому неожиданно... понравилась. Это было похоже на литературу. Пожалуй, это и была литература – очень маленькая, пока незначительная, но – литература. Особенно в исполнении Шолома Рабиновича.

Даже в крошечных газетных заметках он умудрялся рассказать житейские истории, сдобренные авторским юмором. Позже, уже став знаменитым писателем, Шолом-Алейхем говорил, что самым лучшим романистом является сама жизнь. внештатная репортёрская работа в крошечных еврейских изданиях стала для Шолома настоящей писательской школой.

Но главное заключалось не в самом факте публикации, хотя и это имеет огромное значение – писателю очень важ-

но увидеть свои первые опыты напечатанными на бумаге, чтобы поверить в возможность успеха. Главное то, что Шолом почувствовал вкус к репортёрской работе. И хотя он так и не стал профессиональным журналистом, к жанру газетного и журнального очерка он обращался очень часто.

22. Оля

Жизнь, в общем-то налаживалась. После многолетних мытарств, попробовав себя в десятке профессий, побывав даже священником, Шолом Рабинович нашёл дело по душе – журналистику. Особых доходов она не приносила, но всё же Шолом, благодаря природному дару (хорошему слогу, потрясающему чувству юмора и богатой фантазии), был в еврейских газетах на хорошем счету. И платили ему так, что он уже мог забыть о приработках. Худо-бедно, но газетные гонорары позволяли прокормиться, снять в Киеве жильё и одеться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.